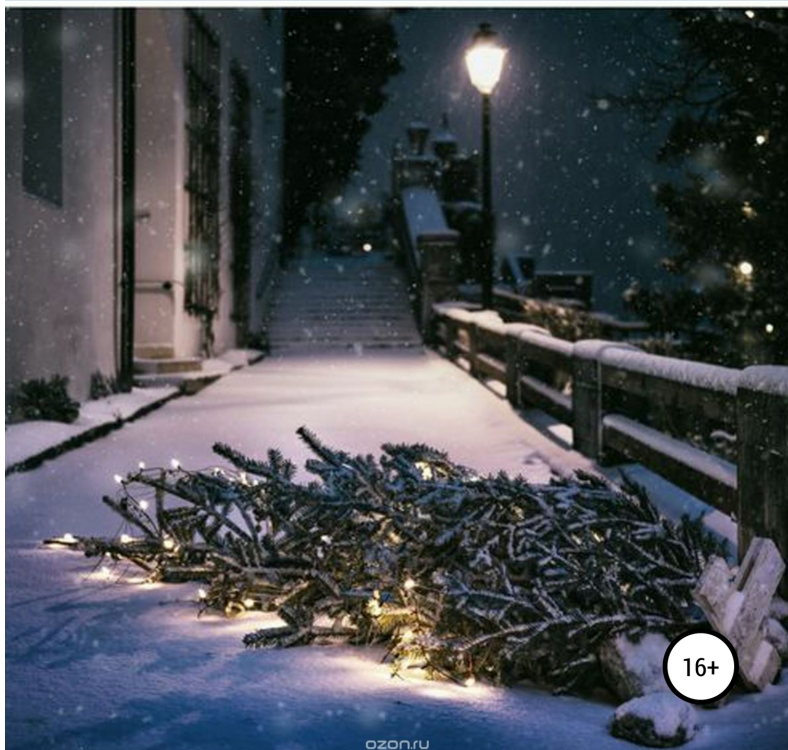

АЛЛА ДОБРАЯ

Шанс на выбор

16+

Алла Добрая

Шанс на выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42353914

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10362-7

Аннотация

Егор Фомин, старший следователь Управления по особо важным делам, всегда недолюбливал Анатолия Малышева – мужа любимой сестры. Но тот исчезает в канун новогодней ночи при весьма странных обстоятельствах, сестра Лиана бесконечно несчастна, и Егор обещает ей во всем разобраться. Расследование открывает мерзкие подробности личной жизни Малышева, а Фомин встает перед выбором – взглянуть правде в глаза или пойти на сделку с собственной совестью.

Памяти папы, Хорунжего Владимира Романовича, страстного любителя крепких детективных историй.

Книга является художественным произведением. Любое совпадение мест и событий, а также сходство имен и персонажей с людьми как ныне живущими, так и ушедшими – случайны и являются плодом фантазии автора.

Кроме всего прочего, правильных ответов не существует. Существует лишь неограниченное количество разных. Роберт Кийосаки.

Тридцать первое декабря.

Егор Фомин, старший следователь главного управления по особо важным делам, взглянул на поворотный указатель «Деревня Зазнобино» и прибавил скорость.

«Усадьба Зазнобино – так, пафосно, называет ее Малышев. Кем он мне приходится – свояком или деверем? – размышлял Егор. – Лучше бы, вообще никем. Ладно, черт с ним. Не мне быть экспертом в личных отношениях. В этом я точно не преуспел».

Телефон издал стандартный звук. Поглядывая на дорогу, Фомин открыл приложение. Племянница Ленка прислала фотографии со своей свадьбы, на которой усердно пыталась помирить Егора с подругой Олесей. Фомин вспомнил название любимых духов бывшей любовницы. «Magie L'amour». Невыносимый запах.

Он кинул мобильный на пассажирское сиденье и искоса

взглянул на пачку сигарет. «Нет. Бросать, так бросать».

От деревни Зазнобино до поселка Еловый Бор, куда направлялся Егор, не больше двадцати километров. Чтобы жить ближе к брату, Лиана уговорила мужа строиться недалеко от дома Егора, где он сейчас планировал устроить частный новогодний банкет для себя и верного друга Маффина.

Дом в Еловом Бору достался Лиане и Егору в наследство от тетки Николины. Они всегда обожали это место, связанное с детскими воспоминаниями, когда на каждые каникулы мама отправляла их из Самары к родной сестре в Подмосковье. Теперь здесь жил Егор. От места службы до дома, без пробок он добирался за сорок минут. Смешное время по меркам Москвы.

Лиана с Егором называли этот дом Николиной дачей. Муж Николины, писатель-историк Бронислав Ледынский, за создание мемуаров для одного из партийных лидеров высокого ранга, получил квартиру в центре Москвы и дачу в ближайшем Подмосковье. Бог не дал им детей, и тетка Николина после смерти мужа завещала все имущество племянникам.

Егор щелкнул пультом, и ворота медленно задвигались, пропуская в дом владельца. Навстречу выскочил кавказец Маффин, по-свойски шлепнув широкой, массивной лапой по ботинку Егора.

– Пойдем, пойдем. Соскучился?

Маффин активнее завиллял рыжим хвостом, подставляя лобастую голову под руку хозяина.

– Вижу, кто-то к нам заходил, Маффи. – Произнес Егор, разглядывая на собаке новый, модный ошейник с чипом. – Сестрица была в гостях? Конечно она, кому мы еще с тобой нужны, дружище.

Маффин заскулил, потом резво подпрыгнул и лизнул Егора в щеку.

– Она и поцелуй мне передала, Маффи? – засмеялся Егор, открывая дверь.

В прихожей витал запах духов сестры. Егор поставил пакет с продуктами у двери и огляделся. На пуфике лежал шарф Лианы, источая терпкий, травяной аромат. На зеркало Лиана, как обычно, приклеила забавный стикер, в этот раз – в виде косоглазого снеговика – и подписала: «Егорушка, спасибо за подарок. Не теряю надежды увидеть тебя сегодня. Люблю. Сестра».

– Вот же, упрямая. Не мытьем, так катаньем. – Произнес Егор с улыбкой.

За две недели до праздника Лиана принялась уговаривать его встретить Новый год в Зазнобино. Приводила разные доводы, наверняка зная, что Егор не согласится.

«Потеря надежды – последнее дело» – любимая поговорка Лианы.

А Егор мечтал встретить Новый год спокойно и всласть. Не торопясь поужинать, а затем выспаться на мягком диване

под негромкое сопение Маффина. Тот получит свою праздничную косточку, изгрызет ее в клочья, ляжет перед камином на вязаном Николиной коврике и, вздохнув, мирно задремлет под звуки уходящего с телеэкрана старого года.

Зная, что сестра обязательно заедет днем, Егор оставил ей на каминной полке сувенир – негритянку, фарфоровый персонаж из романа «Унесённые ветром». Еще один экземпляр в коллекцию «Куклы мира». Свой подарок Егору Лиана по традиции оставила там же.

Фомин разжег в камине огонь, взял коробку, перетянутую зеленой атласной лентой, и осторожно встряхнул. Справившись с любопытством, Егор поставил ее обратно, решив открыть ночью, и прошел в кухню, на ходу пультом включив телевизор.

За спиной прозвучала легендарная фраза Юрия Яковлева «... что за гадость эта ваша заливная рыба».

– Маффи, неси продукты, будем сибаритствовать.

Так говорила мама. Она любила замысловатые слова, витиеватые предложения и все, что помогало ей представить мир вокруг прекраснее, чем он был наяву.

Маффин исполнительно зашлепал по паркету влажными от снега лапами и через секунду вернулся, держа в зубах увесистый бумажный пакет. Егор открыл холодильник, точно зная, что увидит там – оставленный сестрой, неизменный ко всем праздникам салат «Мимоза». Мамин салат.

Егор вилкой подцепил кусочек. Маффин присел рядом,

глядя снизу вверх на хозяина, который медленно смаковал усовершенствованную Лианой «Мимозу». Вместо вредных на ее взгляд консервов, она прокладывала рыбный слой слабосоленой семгой, а вместо майонеза собственноручно делала заправку из йогурта, горчицы и еще чего-то, напоминающего вкус каперсов.

– Держи, Маффи. – Егор положил в миску щедрую порцию собачьего утиного паштета и достал из кухонного ящика косточку.

Маффин, учуяв знакомый запах, в один прием проглотил паштет и, смачно облизнувшись, громко потребовал «десерт».

Они перешли в гостиную. Егор устроился перед телевизором с салатом, мясной нарезкой и бутылкой армянского коньяка, а Маффи – у камина, с косточкой, и они принялись получать удовольствие от вкусной еды, потрескивающих в огне поленьев и фильма, который за сорок лет россияне выучили наизусть.

На первых кадрах «Ирония судьбы. Продолжение» Егор задремал. Стрелка на больших каминных часах уверенно двигалась к цифре двенадцать. А в машине, тем временем, разрывался от звонков оставленный телефон.

Егору снилась мама. Она ласково гладила его по голове, приговаривая: «Егорушка, когда же вы с Линочкой мне внуков покажете? Я им колыбельную спою. Вот послушай, я недавно выучила...». Мама знакомым Егору жестом откину-

ла назад кудрявую прядь волос и красиво запела гимн России.

Егор нехотя приоткрыл глаза, понимая, что слышит его наяву. На гимн накладывался какой-то знакомый, навязчивый звук. Пошарив рукой по ковру, куда он обычно клал мобильный, Егор поднялся, ворча и растирая заспанные глаза. Маффин солидарно подскочил и выразительно посмотрел на дверь спальни, за которой скайп от имени сестры продолжал вызывать на разговор.

Синий кружок соединения закончил вращение, и на экране появилось лицо сестры.

– И тебя с Новым Годом, Лина. Но, честно говоря, я бы с удовольствием подождал с взаимными поздравлениями до утра...

– Егор, приезжай скорее!

Сон пропал мгновенно. Губы Лианы дрожали, а на бледном лице умоляли, опухшие от слез, глаза.

– Что случилось? С тобой все в порядке?

– Толя пропал! Приезжай скорее!

Егор облегченно вздохнул, что не ускользнуло от внимания сестры.

– Как ты можешь, Егор?! Надо что-то делать, иначе случится беда!

Она заплакала, отчаянно запустив длинные пальцы в копну кудрявых волос.

– Пожалуйста, успокойся, прошу тебя. Кто еще в доме?

За спиной сестры появилась фигура Николая Степановича, мужа их сводной сестры Ирины.

Он изумленно взглянул на свое отражение в углу экрана, пригладил усы и тихо произнес:

– Егорушка, привет.

– Привет, Степаныч. Что там у вас стряслось?

– Егор, похоже, что и, правда, того... стряслось.

– Что?

– Это... пропал, похоже, Иваныч.

– Подробнее можешь?

– А ты можешь, наконец, приехать? – услышал Егор окрик сестры, от которого Николай Степанович вздрогнул.

Это было совсем не свойственно сдержанной Лиане.

– Линочка, успокойся, милая. Сейчас он во всем разберется, – произнес Николай Степанович, глядя, то на экран, то на Лиану, которая рыдала, причитая что-то неразборчиво. – Егор, тебе, правда, лучше приехать. Плохо ей совсем. Час назад чуть обморок не случился. Мы с мужиками всю дорогу взад – вперед, от дома до магазина прочесали. Нет его машины нигде, как ветром сдуло. А ветер-то к слову жуткий, метель закручивает во всю ивановскую, и минус уже немалый. Егорушка, кажется, дело керосином пахнет.

– Он в магазин поехал на ночь, глядя? – удивился Егор.

– Ты понимаешь, он сказал, что какой-то напиток забыл, как его..., мудреное такое название. Черть-его, не помню, – изо всех сил напрягал память Николай Степанович.

– Господи, только успел помечтать о выходном, в тишине и покое. Спасибо вам, родственнички.

Николай Степанович развел руками и начал пространственно извиняться.

Егору жутко захотелось курить.

– Ладно, прекрати. Скоро приеду. Присмотри пока за Линой. Глаз с нее не спускай. Если что – сразу скорую вызывай.

– Да, да, Егорушка, я рядом буду. А доктор у нас тут свой, ты не беспокойся.

Егор не стал расспрашивать про «своего доктора», хлопнул крышку ноутбука и прошел в ванную. Умывшись ледяной водой, он с тоской взглянул на мягкий верблюжий плед на диване и со словами «Маффин, охранять», вышел из дома.

Метель, завывая, кружила над машиной, обволакивая ее белым, пушистым покрывалом. Взглянув на тринадцать пропущенных звонков на мобильном, Егор достал из-под сиденья щетку на длинной прорезиненной ручке и, вздохнув, принялся очищать автомобиль от снега.

Из открытой форточки было слышно, как каминные часы в доме пробили один раз.

Двенадцатью часами ранее.

Доктор-психотерапевт Вениамин Львович Бахметьев по внутренней системе сообщений еще раз напомнил помощнице, что сегодня короткий день, но в приоткрытую

дверь было слышно, как она продолжает шуршать бумагами.

«Наверняка, сейчас начнет вручную уничтожать лишние документы. Ведь есть шредер. Сто раз говорил».

Но Лиза Паршина девушка не только способная, но невероятно упрямая, и все всегда делает по-своему. Через секунду раздался звук рвущейся бумаги под приглушенный диалог новогодних «Чародеев» по ТВ-плазме, установленной тоже по инициативе Лизы.

«В приемной престижного психотерапевта все должно быть продумано, – говорила Лиза. – Кадры хорошего фильма или подходящая музыка перед началом приема расслабят и подготовят пациента».

Бахметьев не спорил. Может быть, раньше и возразил, а теперь ему все равно. Пусть занимается, вешает плазмы на стены, разводит цветы и закупает маркетинговые штучки с замысловатыми запахами. Все равно.

Бахметьев посмотрел в окно. Серая туча прикрыла выглянувшее с утра бледное зимнее солнце. Он погасил верхний свет и, включив старинную настольную лампу, доставшуюся ему от деда, открыл верхний ящик стола.

Там лежала одна папка – пациентки, которой сейчас назначено время. Остальные карты, как и положено, отправлены в сейф. Свой кабинет у Бахметьева уже больше десяти лет и установленные правила конфиденциальности соблюдаются неукоснительно. Поэтому так безбоязненно идут к нему известные люди. Уверены, что все, чем они делятся с докто-

ром Бахметьевым останется строго между ними.

Вениамин Львович открыл карту. На обложке – дата первого приема и имя «Марина». Имя его жены.

Сегодня – это шестая пациентка. Раньше в такой день Бахметьев закончил бы прием до обеда, как было всегда в течение пятнадцати лет, казалось, бесконечного счастья. Все оказалось конечным намного раньше, чем можно было предположить. И нет теперь большей муки, чем возвращаться в пустую квартиру, бродить из комнаты в комнату, и забываться тяжелым сном в гостиной под пледом, глядя на фото жены и думая по привычке, что Марина будет недовольна тем, что он не разобрал постель.

«Как же так вышло? Как, так быстро и естественно ты ушла, почти без борьбы? Будто спешно переехала в другое место, даже не захватив вещей. Ушла в другой мир, не предупредила, не пообещала скоро вернуться. Исчезла. Даже могилы не оставила».

За день до смерти, пытаясь изобразить улыбку на измученном лице, Марина попросила: «Милый, я не планирую умирать, но вдруг, мало ли что, ты уж лучше кремируй меня, не надо в землю, да еще в ящике. Ты же знаешь – у меня клаустрофобия. Так что, пожалуйста, развей меня в нашем месте».

«Нашим местом» было море. Марина его обожала, великолепно плавала и пару лет назад предложила купить домик на севере Италии, старенький, но недалеко от пляжа. У них

было столько планов на его реконструкцию. По выходным они раскладывали на полу гостиной чертежи и с упоением рассматривали квадратики, которые будут спальней, кухней, столовой. Они склонялись лбами над бумагой, неповторимый запах волос Марины касался Бахметьева, и он в очередной раз мысленно благодарил Бога за счастье быть с этой женщиной.

С тех пор, как пришла беда, Вениамин Львович никуда не ездил, даже в домик у моря, который так и замер на стадии строительных планов. Кому нужны эти планы без нее. Все свободное время теперь ежедневно укладывалось в три часа, включая дорогу, просмотр вечерних новостей и китайский ужин из картонной коробки. «Марина, Марина, зачем ты создала для нас такой безупречный мир, который без тебя рухнул мгновенно, как крыша, из-под которой выбили несущую стену».

Нет больше дома. Остался только мужчина, одинокий, несчастный, не желающий заполнять пустоту, оставленную женой. Через сорок дней боль стала глуше, будто придавили ее той стеной, а через полгода она вновь начала душить так, что порой физически не хватало кислорода.

Неизбежное доктор Бахметьев принял сразу, в первые мгновения после смерти жены. Не было ни гнева, ни депрессии, ни, тем более, отрицания. Они боролись с болезнью до конца, неистово, одержимо. Ровно до тех пор, пока Марина не попросила о кремации. На следующий день все за-

кончилось. Для нее.

А Вениамин с тех пор узнал, насколько упряма человеческая память. Она продолжает поставлять в мозг картинки из прошлого. На них Марина по выходным готовит его любимый рыбный пирог, а на завтраки делает кофе так, как умеет только она – не отходя от плиты ни на секунду, колдуя над ним, подсыпая щепотки добавок, секрет которых открыла только ему. Он шутил, что она приворожила его своим кофе. Она смеялась, что он заколдовал ее изумрудными глазами. До сих пор Бахметьеву кажется, что он слышит Мариин смех и чувствует запах ее рыжих волос.

Вениамин Львович полистал записи в карте и с удивлением подумал, что при высокой плотности приема, которая только и спасает его теперь, за два года пациенток с таким именем не оказалось. Были Марианны, Марии, одна немолодая женщина представилась Марусей, но Марин не было.

Впервые увидев эту женщину, Бахметьев подумал, что она совсем не похожа на его жену. Да, это совсем не его Марина. Скорее – полная противоположность. Его Марина терпеть не могла шопинг, ей было жаль на это времени. Она забегала в торговый центр максимум на час, успевая купить все необходимое для себя и мужа согласно заранее составленному списку, ни разу не ошибившись с размером мужской одежды и обуви. Она торопилась жить, не желая тратить время на пустые, на ее взгляд, занятия.

А эта Марина, как с обложки журнала, которые помощ-

ница Лиза раскладывала в приемной наряду с брошюрами по психологии.

«Разодета в пух и прах, вся такая продуманная, даже в парфюме, который в этом сезоне необычайно моден. Да еще столько неприкрытого превосходства во взгляде. Терпеть не могу таких фиф», – впервые дала столь нелестную оценку пациентке Елизавета.

До сегодняшнего дня Марина посетила кабинет Бахметьева семь раз, и во время прошлых приемов говорила «ни о чем». Конечно, вначале она обозначила цель обращения – клаустрофобия, но Бахметьев так много знал об этой проблеме, что одурачить его было невозможно. Еще она жаловалась на сбой в настроении. Так и сказала – сбой. Из чего доктор должен был понять, что обычно с настроением у нее все хорошо.

Бахметьев терпеливо ждал, когда она откроется, понимая, что настоящие проблемы не имеют ничего общего с заявленной темой боязни замкнутого пространства. Его сеансы стоили недешево. Бахметьев считался доктором модным у богатых и знаменитых и уже привык к тому, что многие из них приходили потому, что с некоторого времени стало престижным посещать психотерапевта.

Эти дамы делились вымышленными проблемами, которые часто сводились к недостаточному вниманию со стороны их мужчин, но при этом с неизменной оговоркой: «И это – нормально, ведь кто-то должен зарабатывать деньги». Про

любовниц обычно не упоминали, «держали лицо».

«Ведь это так унижительно, когда тебе изменяют, – так выразилась молодящаяся Маруся с бриллиантом в полфаланги на указательном пальце. – А коль так, то с этим надо бороться на стадии профилактики, как с целлюлитом».

Методы, которыми мадам Маруся считала возможным проводить профилактику измен, вводили доктора в переменный шок. Другие пациентки, насмотревшись фильмов, подолгу рассуждали о своих снах, ожидая от доктора, что тот включится в ритуал и непременно отыщет там причину их душевных недугов.

На первой встрече с Мариной, Бахметьев ошибочно отнес и ее в категорию «богатых, которые иногда плачут». Смутил внешний вид и ручная собачка Манон. Предварительно получив разрешение, она всегда приносила ее с собой.

Но уже на первом сеансе стало ясно, что проблемы Марины не вымышлены, они есть, но обозначить их, словно, не хватает смелости. Он понял, что эта женщина вообще не привыкла откровенничать, но сейчас вынуждена это делать. Такие люди обращаются к специалистам лишь в случае, когда исчерпают все возможные способы решения проблемы без участия посторонних. Именно такие пациенты способны в мгновение ока превращаться в буйных и даже убийц. Это Бахметьев проходил в своей практике не раз.

Сейчас он понимал – Марину что-то гложет по-настоящему, и она отчаянно ищет решение – выход, безопасный для

себя. Марина тоже говорила о снах. Будто идет по тропинке, а вокруг болото, и она боится сделать неверный шаг, боится увязнуть и пропасть.

Бахметьев провел острым карандашным грифелем по строкам в карте и сделал второе подчеркивание на слове «антидепрессанты», чуть помедлил и добавил на полях знак вопроса.

На прошлом сеансе пациентка пожаловалась на отсутствие желаний. Всяких. Она хочет только спать. И если бы не упоительный запах кофе и работа, о которой тоже не было сказано ничего определенного, она бы не вставала утром вообще.

Бахметьев снял очки, устало потер переносицу и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

«Да, именно так она сказала – только благодаря упоительному запаху кофе и работе она открывает утром глаза. Ни слова о семье».

Вениамин Львович не настаивал. Он понял, что Марина никогда не скажет больше, чем считает нужным. Наверное, с этого момента он почувствовал непрофессиональный интерес и отметил, как часто думает о ней. И думает не только, как о поставленной задаче, а все чаще – как о женщине.

Перед пятым сеансом Вениамин Львович признался себе, что ждет встречи с Мариной. В дни ее визита, он заставлял себя на мысли – уместна ли эта сорочка с таким цветом джемпера, достаточно ли начищена обувь, и не пора ли обновить

туалетную воду. И впервые за два года он стал замечать запахи приближающегося праздника.

Иногда пациентка Марина задавала вопросы, что называется не в тему, будто мысли ее во время часового сеанса перескакивали из одного мира в другой. В одном – она жила сейчас и привыкла к нему, а другой – пока не понимала, но пыталась узнать о нем хоть что-то, чувствуя неизбежность существования и в этом пространстве.

Пометку «антидепрессанты» он сделал на прошлом сеансе. Ее слова, горящие глаза и дрожащие ладони указывали на близость срыва. Но в какой-то момент Марина успокаивалась, грациозно сводила пальцы в кольцо, выпивала предложенной воды и, сделав несколько глубоких вдохов, восстанавливала ровное дыхание, поясняя, что у нее был сложный день. Было очевидно, что она умеет владеть собой или, как минимум, знает как быстро приводить себя в порядок. Таким искусством чаще других владеют профессиональные спортсмены.

На вопрос – занималась ли она в юности спортом, Бахметьев получил в ответ утвердительный кивок, но, как и прежде – без расшифровки. На предложение выписать ей легкие антидепрессанты Марина ответила одним словом – «излишне», и добавила – «не привыкла к медикаментам».

Лиза Паршина закончила уничтожать черновики, разложила на столе ровные стопки папок и взглянула на часы.

Последний прием. Сейчас появится эта Марина. Наверняка, в шмотках из последних коллекций, а может и в новой шубе. У Лизы здесь неплохой оклад, несмотря, что молодой специалист. Но она живет очень скромно, половину зарплаты отдавая за ипотеку, лишь бы не делить жилье с матерью и этим вонючим отчимом, вечно безработным. Лизе не хватило бы даже на брендовый шарфик, который недавно эта Марина забыла в кабинете Вениамина Львовича и даже не вспомнила ни разу. А ведь этот кусок ткани стоит сумасшедших денег.

«Ах, как же хочется беззаботной, роскошной жизни и надежного мужчину рядом», – мечтательно вздохнула Елизавета. – Роскошью в моей жизни пока не пахнет. Но есть на примете мужчина, который может обеспечить спокойную жизнь в достатке. И надо его не упустить».

Лиза влюблена в профессора Бахметьева с тех пор, как он начал преподавать у них на кафедре. Еще жива была его жена. И вот теперь он свободен, но, черт – абсолютно не замечает в ней женщину. А теперь, похоже, еще запал на эту фифу.

Лиза мгновенно почувствовала в Марине соперницу. У нее на это особое чутье. А ведь она, Лиза намного моложе этой дамочки, и ноги у нее длиннее и область профессиональная у них с Бахметьевым одна, хоть она и молодой интерн, а он – именитый доктор.

Лиза старалась ему угодить изо всех сил. Вот только кофе у нее никак не получался таким, как он любит. Говорит,

что слишком спешит, слишком быстро готовит. Так времени нет, вечно спешка. Пациентов туча и к концу года все словно с ума сходят, порой в прямом смысле. Хорошо, что хоть сегодня отменили часть приема. Лиза так надеялась, что они вместе выпьют шампанского в его кабинете, а потом она пригласит отметить праздник вместе. Пригласит открыто, без женских уловок. Просто скажет, что она очень одинока сегодня, и холодильник полон продуктов, и полночи вчерашней она не спала, пекла шоколадный торт и строгала салаты.

Прошло два года после смерти жены Бахметьева, но все попытки Лизы обратить на себя его внимание по-прежнему безуспешны. И вот, стоило появиться этой Марине, и профессор изменился. Даже одеваться стал по-другому: рубашки каждый день разные, и парфюм – новый.

«Наверняка, никакая она не Марина. Надо пробить в интернете. Не понимают глупышки, пытаюсь спрятаться за чужими именами, что рекламный слоган поисковой системы – «найдется всё», вполне себя оправдывает», – подумала Лиза, открывая ноутбук.

Она забила в поиске: «жены известных мужчин, депутатов, бизнесменов». Подумав, добавила – «спортсменов». Третья ссылка выдала ряд фотографий и текст: «...после реконструкции известного спортивного комплекса заслуженный тренер Анатолий Иванович Малышев разрезает красную ленточку. Рядом – жена, бывшая спортсменка-синхронистка Лиана Малышева. На церемонии открытия присут-

ствовал депутат государственной Думы – Викентий Иванович Малышев, известный по серии громких заявлений о запрете в России массовых собраний сексуальных меньшинств...».

– Лиана! Так, так, – произнесла вслух Лиза, – значит, Лиана Малышева, жена заслуженного тренера и бизнесмена. Вот вам и Марина.

Лиза, приблизив лицо к монитору, рассматривала фото, сделанные на приемах, отдыхе и, как ни странно, в школьном классе.

– Черт, неужели она работает! Да еще учительницей в какой-то подмосковной деревне. Вот уж, воистину, у богатых свои причуды.

Лиза надкусила плитку шоколада и задумалась.

«Ладно. Волноваться не стоит, – успокоила себя девушка. – Даже хорошо. Значит, он начал оттаивать. С фифой этой ему все равно не светит. Она здесь ненадолго. Наверняка, просто захотелось похвастать перед подружками походами к модному доктору».

Лиза снова взглянула на фото Лианы Малышевой.

– Сколько же ей лет, интересно, – произнесла она задумчиво.

Зазвучал зуммер внутренней связи.

– Да, Вениамин Львович, слушаю Вас, – ответила Лиза.

– Елизавета, еще раз напоминаю – сегодня короткий день.

Я Вас еще час назад отпустил.

– Хорошо, Вениамин Львович, я уже собираюсь. А Вы, до которого часа сегодня? Может быть, я Вам еще буду нужна? – с надеждой спросила Лиза.

– Нет, спасибо, идите домой, готовьтесь к празднику. Новый Год на носу.

– Я думала мы..., – начала Лиза, но доктор уже положил трубку.

В этот момент открылась дверь в приемную, и вошла Лиана, облаченная в белое манто. За распахнутыми полами шубы Лиза увидела платье с обложки модного журнала и тонкую нитку жемчуга на безупречной шее. Кудрявые волосы женщины были красиво заколоты, в ушах – томно поблескивали крупные бриллианты. На руках Лианы – в меховом кафтанчике, неизменно сидела Манон, породы йоркширский терьер.

Лиза ловко закрыла все вкладки на рабочем столе компьютера, мгновенно нацепив дежурную улыбку.

– Ой, ну какой же он все-таки, хорошенький, прямо миленький такой, уси-пусечка, – попыталась погладить собачку Лиза.

– Это девочка, я же Вам говорила, – поправила ее Лиана с улыбкой, за которой Лиза тут же разглядела щедрую долю высокомерия.

– Проходите, доктор ждет, – сменив располагающее выражение лица на официальное, предложила Елизавета.

– С наступающим, Вас, – небрежно, как показалось Ли-

зе, бросила Лиана, и прошла в кабинет, как всегда, не сняв верхней одежды в приемной, и как всегда, не потрудившись закрыть за собой первую дверь, ведущую в кабинет.

Лиза села за стол и со злостью пробила дыроколом несколько кружков на плотной бумаге новогодней открытки.

«Что же у нее за проблемы, интересно. Наверное, как обычно, мало внимания мужа и много, его же любовниц. Или собачка ее ручная хандрит, не зря она ее вечно с собой на прием таскает. Посмотреть бы карту...».

Но Бахметьев карты своих пациентов никогда даже на столе не оставлял без присмотра. Всегда убирал под ключ в ящик, или сразу в сейф, ключи от которого были только у него, а за двойной дверью кабинета, что-либо услышать было практически невозможно.

Лиза сделала завершающий удар дыроколом, и выбросила изрешеченную открытку в корзину. Выпустив пар, и немного успокоившись, она на цыпочках подошла к приоткрытой первой двери.

Лиана вошла в кабинет Бахметьева, неся с собой терпкий запах духов и маленькую Манон, которая тут же соскочив с рук хозяйки, подбежала к доктору и требовательно попросилась к нему на колени.

– С наступающим Новым Годом, – улыбаясь, произнесла Лиана.

– Здравствуйте. Взаимно.

Вениамин Львович встал из-за стола, ловко подхватил Манон, и усадил ее в кресло.

Потом прошел к выходу и плотно закрыл обе двери.

Лиана наблюдала за Бахметьевым, отмечая мысленно, что внешность доктора меняется к лучшему. Красивая, в тон глаз, сорочка цвета изумрудной волны, стильный джемпер, отутюженные брюки. В их первую встречу на нем были изрядно поношенные джинсы и водолазка.

Бахметьев подошел и протянул руку.

– Позвольте?

Она подала ему невесомую шубку.

Ее глаза блестели, она снова, то потирала руки, то гладила себя по животу, то, зябко поеживаясь, сжимала руками плечи.

– Как Вы себя чувствуете сегодня?

– Спасибо, лучше! Наконец-то мне стало лучше. Мое настроение сегодня намного лучше, – трижды повторила Лиана.

– Очень рад, – сказал Бахметьев. – Что, как Вам кажется, помогло?

– Наверное, Вы, доктор, – внимательно посмотрела на него Лиана и грациозно присела на кушетку. Ни грамма кокетства. Сознает свою женскую силу в полной мере и хорошо понимает, что нравится мужчинам.

– Благодарю. Но я имел в виду – что, конкретно, на Ваш взгляд, помогло изменить свое отношение к тому, что рань-

ше доставляло неприятности?

Лиана прилегла, глубоко вздохнула и сложила руки на животе. Манон примерно сидела рядом, в кресле, поглядывая на вазочку с мандаринами.

– Я поняла, что сама в силах изменить свою жизнь, доктор.

– Меня радует, что Вы готовы говорить об этом.

Лиана из положения на спине, повернулась на бок и подомашнему сложила под щеку ладошки.

– Я хочу поблагодарить Вас за терпение. Вы так долго ждали, когда я, наконец, перестану нести чушь и обозначу реальные проблемы. – Она говорила очень тихо, почти шепотом. – Простите, я не должна была так себя вести. Надо было упростить Вам задачу. Сразу.

– Всею свое время. Хорошо, что Вы сами пришли к этому выводу.

– Все верно, доктор. Все так. А моя проблема – мой муж.

На этих словах она резко перевернулась на спину и, закинув руки за голову, улыбнулась как-то особенно. Эту улыбку ее муж называл беспрюирышной, а подобную позу – главной позой соблазнения у женщин всех времен и народов.

Все бы это можно было списать на женские штучки, если бы не чувство, с которым была произнесена последняя фраза. В ней отчетливо прозвучала угрожающая решимость покончить с проблемой раз и навсегда. Кардинально.

– Скажите, а возможно ли это в принципе?

– Возможно что?

– Изменить человека, – она уже жестикулировала красивыми руками, не пытаясь скрыть возбуждения. – А! Наверное, сейчас Вы скажете, что легче изменить свое отношение к ситуации и так далее. А если эта ситуация настолько..., настолько..., что – вот так!

Лиана вдруг села и резко провела ладонью по горлу.

Бахметьев не ожидал от нее столь brutального жеста.

– Давайте попробуем разобраться в корне проблем, с момента их зарождения.

Лиана неестественно расхохоталась.

– Скажите, Марина, Вы принимали сегодня какие – то препараты?

– Доктор, я не Марина. – От смеха и возбуждения не осталось и следа. – Мое имя Лиана.

– Хорошо, Лиана, – произнес Вениамин Львович и обвел в карте, ранее зачеркнутое слово «антидепрессанты». – Я предлагаю Вам успокоиться, и вернуться к истокам.

– Истокам чего? – перебила его Лиана.

– К Вашему детству. Расскажите, как можно подробнее, о своем детстве.

– У меня не было детства, – снова зябко поежилась Лиана и, кажется, даже зевнула.

«Повторяются резкие переходы от возбуждения к покою», – снова поставил отметку Вениамин Львович.

– Если Вам холодно – я включу камин.

Лиана отрицательно качнула головой. Она старательно пыталась успокоиться. Но приемы с глубоким дыханием сегодня не помогали. Она снова прилегла на кушетку и все-таки приняла предложенный плед.

– Наше с братом детство до десяти лет прошло в Доме Ребенка. Потом над нами взяла опеку старшая сестра.

– А Ваш отец?

– А наш отец отказался от нас сразу после смерти мамы.

– Вы можете припомнить свои ощущения в первый момент, когда узнали об этом?

Лиана взглянула на него так, будто он спросил «что она чувствовала, высадившись на Луне».

– Я не чувствовала ничего, – после некоторого молчания ответила Лиана. – Мне хотелось спать. Постоянно. И я ничего не могла с этим поделать. Да мне и не особо хотелось.

– Вы сказали, что брат был с Вами. Он старше?

– На год.

– Какие у Вас отношения?

– Это очень близкий мне человек. Но он – мужчина, со своей жизнью. К сожалению, мы видимся не так часто.

– Не так часто, как хотелось бы Вам?

– Наверное.

– Ваше ощущение одиночества сейчас и тогда – Вы находите схожие приметы?

– Одиночество всегда имеет одинаковые черты. Знаете, у него даже есть запах, – задумчиво произнесла Лиана.

– Чем оно пахнет?

– Январем.

– А если конкретнее?

– Зимой. Холодом. Да, очень сильным морозом и метелью...

Глаза Лианы наполнились слезами, но она не замечала этого. Ее мысли были далеко. Теперь она не просто пожила, ее передернуло, и в этот момент Лиана мгновенно вернулась к действительности.

Она достала из сумки пачку платков и изящное зеркальце.

«Компенсаторные психические комплексы». Доктор поставил на полях вопросительный знак.

– Я понимаю, что Вы переживаете сейчас сложные ощущения. Но постарайтесь, пожалуйста, облачить их в слова. Это важно. Итак, еще раз – коронный вопрос психотерапевта, – улыбнулся Бахметьев, пультом включая камин. – Что Вы чувствуете сейчас?

– Я чувствую, что мне очень хочется пить, – попыталась улыбнуться Лиана.

Вениамин Львович взял с круглого столика высокий стакан и налил из графина воды.

– Прошу Вас.

Лиана пила воду маленькими глотками, прикрыв глаза с длинными, пушистыми ресницами.

– Боюсь, – произнесла она, допив воду, – мне не хочется говорить о детстве вообще.

– А я боюсь, что без понимания того, что было в Вашем прошлом, не получится разобраться в настоящем, Марина, – произнес Бахметьев, довольно безапелляционно, пересаживаясь из-за стола в кресло.

Она подняла на него глаза. Удивление с тонким налетом улыбки. Будто обнаружила вдруг то, чего уже не ожидала увидеть.

– Мое имя – Лиана. Вы не в ладах с памятью, доктор?

– Простите.

Стало тихо. Лишь искусственный огонь в камине издавал свой запрограммированный треск.

– Так что скажете – реально изменить характер человека? – Упрямо вела к своей теме Лиана.

– Если за характер принимать набор стойких, сравнительно постоянных психических свойств, которые и определяют поведение человека, то не стоит иметь надежду на скорое изменение. Но, тем не менее, привычки могут меняться в зависимости от поведения партнера. Если партнер ценен, если есть боязнь его потерять, то привычные желания можно гасить.

– Это, к примеру, если на острове, кроме меня нет женщин, то привычка иметь других женщин со временем утратится?

Бахметьев улыбнулся и продолжил:

– Может быть важнее попробовать разобраться в причине этих привычек и по итогам – либо, на самом деле, изменить

свое отношение, либо принять твердое решение и начать новую жизнь?

Лиана заинтересованно посмотрела на него.

– Поймите, – Бахметьев запнулся, вновь едва не назвав ее Мариной. – Поймите, Лиана, я не могу давать Вам советы. Но мой опыт говорит о том, что мужчина, привыкший к тому, что долгие годы его жена мирится с предложенными обстоятельствами и живет по его правилам, вряд ли способен по одному щелчку изменить свой образ жизни.

– То есть, это что же получается – как в поговорке про горбатого и могилу? – нервно хихикнув, произнесла Лиана шаблонную фразу.

– Не надо мыслить столь категорично. В паре каждый допускает ровно столько, сколько другой готов принимать.

– Не намекаете ли Вы на то, что женщина сама виновата? – медленно произнесла Лиана, вложив в слова щедрую порцию сарказма.

– Не намекаю, – ответил Вениамин Львович. – Но, учитывая, что в данном конкретном случае обратились за помощью Вы, то и разобраться следует Вам. Разобраться в том, что привело к данной ситуации и почему Вы готовы принимать к себе подобное, мучительное для Вас отношение. Вы пробовали поговорить с мужем на эту тему?

Лиана, помолчала, глядя на миниатюрную, мигающую огоньками елочку на камине.

– Это – не результативно, – наконец ответила она.

– Хорошо. Но согласитесь – то, что нельзя объяснить словами, каждая женщина может показать мужчине. Проще всего прибегнуть именно к этому способу, а не сажать партнера за стол и в лоб требовать ответов. В конце концов, всегда можно прервать отношения, если все так невыносимо.

Лиана задумчиво посмотрела в потолок, сцепив пальцы так, что побелели костяшки.

– Развестись?

– Возможно, расстаться на время, взять тайм-аут, подумать, почувствовать, каково друг без друга. Поймите, если Вы ждете советов и ответов на конкретные вопросы, это, по итогу, может оказаться, как Вы красиво выразились, не результативно. Советы здесь не помогут. Да я и не вправе их давать. Необходимо, в первую очередь, разобраться в себе, а не в нём.

– Думаю, бесполезное это занятие, – медленно произнесла Лиана.

Вениамин Львович пересел за стол и снова сделал пометки в карте.

– Если все так мучительно, то, как я уже сказал, можно приостановить отношения. Вы молодая, красивая женщина – почему такой пессимизм по отношению к себе? – произнес Бахметьев и мысленно отругал себя. «Это он-то не дает советов?».

– Ну, нет, увольте! Больше никаких мужчин, – засмеялась Лиана.

– Почему опять столь категорично? – улыбнулся Вениамин Львович.

– Доктор, мужчина – это страшная зависимость.

– Все можно отнести к зависимости, любые отношения, даже матери с ребенком.

Лиана медленно встала и начала оглядываться в поисках шубы.

– К сожалению, этой зависимости мне уже не познать, – печально произнесла она.

– Простите.

– Все в порядке, – сказала Лиана, секунду помедлила и, улыбнувшись, добавила. – А как Вы считаете, есть ли в природе ген, который вызывает в человеке повышенное влечение к противоположному полу. Это может быть болезнью?

Она подбирала слова тщательно, их продуманная очередность была отчетлива.

– Лиана, я не ханжа. Мужчины, видя интересную женщину, часто чувствуют что-то еще, кроме, уважения. Но надо уметь контролировать себя. Красивых женщин много, но должна быть и одна, которой ты полностью доверяешь и дорожишь ею. Нельзя делать друг другу больно. Это мое мнение. А если кто-то давно и намеренно причиняет боль – надо устранить ее.

– Устранить, – тихо повторила Лиана, снова наблюдая за сменой огоньков на елке. – Вашей жене повезло.

– Нет.

– Что Вы сказали? – спросила она, повернувшись в его сторону.

– Давайте продолжим. Итак, что Вас сейчас, Лиана, беспокоит больше всего – что Вам изменяют или то, что Вы не можете на это отреагировать? – проигнорировал вопрос Бахметьев.

– Отреагировать? – произнесла Лиана. – Вы правы. Да, мне бы очень хотелось, как – то отреагировать...

Она вопросительно посмотрела на Вениамина Львовича, выдержала секунду паузы и улыбнулась.

– Кардинально отреагировать. Изменить все и сразу.

Доктор поставил на полях карты еще один вопрос.

– Ваш муж знает, что Вы посещаете психотерапевта?

– Нет. А должен? – отрешенно произнесла Лиана.

Отрешенность и восклицания менялись сегодня почти также быстро, как цвет огоньков на гирлянде.

– Безусловно, нет. – Ответил Бахметьев.

Лиана о чем-то поразмышляла, потом пожала плечами, будто в такт своим мыслям и подошла к окну. За стеклом бледное декабрьское солнце слегка оживляло серое московское небо.

– Хотите что-нибудь выпить?

– Хорошая мысль. – Она смотрела на автомобильный поток за стеклом, перебирая тонкими пальцами камни на заколке для волос. – Напиться и разбиться. Родителей нет, детей нет. Кому нужна такая жизнь? Разве только брат сильно

расстроится. А, знаете, раньше я считала, что потеря надежды – последнее дело...

– Да что с Вами такое? Я имел в виду кофе или чай.

Он поднялся и подошел к ней ближе.

Лиана вдруг встрепенулась, словно очнулась, сунула в карман заолку и спросила:

– Мое время, кажется, вышло. – Она снова улыбалась, а лицо приняло по-детски беззащитное выражение.

– Не беспокойтесь об этом. Вы на сегодня последняя пациентка. А про надежду, я с Вами полностью согласен.

– А какой у Вас кофе, Вениамин Львович? – спросила его Лиана.

– А кофе, Лиана, у нас замечательный. Есть хороший кофейный аппарат, но я пользуюсь туркой, и варю себе кофе сам. Помощнице не доверяю. Она вечно торопится, включает максимальную мощность. А надо – медленно. Приготовление кофе не терпит суеты. Это особенный ритуал.

Он раздвинул толстые портьеры, за которыми оказалась мини кухня. Вениамин Львович достал старинную медную турку, наполнил ее водой и кофе, после чего кинул по щепотке каких-то добавок. По кабинету поплыл волшебный аромат.

– А Вы знаете, что в Эмиратах варят кофе с золотом? – Ему снова захотелось ее удивить. Точнее – увидеть ту смесь удивления и улыбки на ее лице.

– Нет, никогда не слышала. С настоящим золотом? –

улыбнувшись, спросила Лиана.

– Пишут, что с настоящим.

Лиана теперь стояла у Бахметьева за спиной, что заставляло его сердце биться чаще.

– У Вас тут целый мини дом. Не хватает душа.

– Он есть, – улыбнулся Вениамин Львович. – По левую руку от Вас.

Лиана повернула голову.

– Стеллаж? – попробовала угадать она.

– Да, – ответил Вениамин, сознавая, как легко может быть с этой женщиной, которая минуту назад казалась невероятно замкнутой.

– Это же просто кабинет-трансформер! – засмеялась Лиана.

Смех у нее красивый, молодой и звонкий.

– Вы правы. Мини-дом.

– А как же семья? Как они относятся к Вашей штаб – квартире?

Она развеселилась, и ему от этого стало так хорошо и покойно, будто за спиной стоит его Марина.

– Так. Наш кофе готов, – снова ушел от ответа Вениамин Львович.

Они сели в кресла друг напротив друга. Лиана положила на колени сонную Манон. Та потянула влажным носом кофейный запах, потом развернула его в сторону вазочки с мандаринами и оживилась.

– Доктор, прошу, угостите ее мандариновой долькой. Она их обожает.

– Конечно. – Бахметьев очистил оранжевый цитрус и его аромат, слившись воедино с кофейным, создал в кабинете неповторимую ауру наступающего праздника. Манон заскулила в предчувствии лакомства и ловко перепрыгнула с колен Лианы в кресло к Бахметьеву.

Они пили кофе молча. Молчать с ней было так же комфортно, как с Мариной.

– Превосходно. Необыкновенный вкус. Благодарю Вас. – Лиана поставила маленькую фарфоровую чашку на блюдце и красиво поднялась из кресла. – Что ж, пора.

Он помог ей надеть шубу. Еще секунда и Бахметьев не смог бы справиться с желанием обнять эти плечи и коснуться губами завитка на тонкой шее.

Лиана резко повернулась.

– Вы не ответили на вопрос о семье.

– Отвечу. На следующей встрече, – произнес Вениамин.

Лиана смотрела ему прямо в глаза, выдерживая паузу.

– Кофе, действительно, изумительный. – Наконец произнесла она. – Но знаете, я думаю, эта встреча – последняя. Еще раз – с Новым годом, Вениамин Львович. Спасибо. За все.

– С Новым годом, Лиана. Тем не менее, если будет необходимость, я всегда к Вашим услугам.

Она снова посмотрела на него, теперь через плечо.

– Мне жаль, что на прежних сеансах я не могла быть столь откровенной.

– Всему свое время, – повторил Вениамин Львович фразу из начала их встречи. – Иногда требуются годы, чтобы признаться в чем-то важном даже самому себе. Специалисты моей профессии лишь призваны помочь сократить это время до минимума. Ведь время – это наша жизнь, Лиана. Его не стоит терять.

Лиана, грациозно отогнула рукав шубы и, взглянув на часы, улыбнулась.

– Вы правы. Терять его нельзя.

Она уже выходила из кабинета, как снова резко повернулась и оказалась почти вплотную к Бахметьеву. От этого движения его бросило в жар.

– Скажите, Вениамин Львович, а в каких случаях временное помешательство человека может рассматриваться как оправдание убийства?

Она снова улыбалась. Беззащитно. Беспроигрышно.

– Я надеюсь, Лиана, что Вы, как героиня фильма «Окончательный анализ», не планируете убить своего мужа, якобы, в состоянии аффекта? – улыбнулся в ответ Бахметьев.

– Что Вы, доктор. Я – очень законопослушный гражданин, – уже без тени улыбки ответила Лиана и вышла из кабинета.

Было очевидно, что и эта фраза не являлась случайной. Лиана явно отправляла его сознание к одноименному филь-

му, в котором вполне законопослушный гражданин совершил серию изощренных убийств.

Лиана села в машину и включила обогрев. Манон дрожала, несмотря на свой теплый кафтанчик.

– Потерпи, малышка, сейчас согреешься.

Лиана коснулась сенсорной панели, и салон наполнила ее любимая «Манон Леско» в исполнении Анны Нетребко.

– Устала, моя девочка. – Лиана прижала к себе дрожащую собачку. – Ты держись, у нас впереди новогодняя ночь и гости. Много гостей, и еще очень много дел.

Лиана поглаживала Манон и размышляла, как лучше миновать городские пробки. Повезло, через полчаса она выехала с кольцевой дороги и с удовольствием отстегнула ремень безопасности.

«Очень вредная привычка моей безупречной сестры, – с укором прокомментировал бы сейчас брат.

Но как только она затягивала ремень, начинало неудержимо ломить позвоночник. Лиана слегка потянулась, выгнув спину.

Сразу всплыли в памяти ощущения многолетней давности, когда после изнурительной тренировки в бассейне, паршел от тела, а спину от перегрузок ломило так, будто она не синхронным плаванием занималась, а тяжелой атлетикой.

– Как думаешь, Манон, поможет нам этот умный доктор?

Собачка подняла на хозяйку преданные глазки-пуговицы,

кротко вздохнула и уткнулась в серебристый мех кафтанчика.

– А ты заметила, какие красивые у него глаза? Изумрудные, как море. Такое бывает только на картинках. Знаю, знаю, понравился он тебе. Но у нас с тобой, Манон, сейчас более важные задачи.

Собачка снова глубокомысленно вздохнула.

Они уже подъезжали, когда Манон по привычке оживилась и принялась поскуливать, чувствуя близость дома. Как хороший навигатор она, за километр, даже в полной темноте, безошибочно определяла нужный поворот.

На громкой связи пошел входящий звонок.

– Алло, – ответила Лиана.

– Привет, милая. Я тебя потерял, – раздался вкрадчивый голос мужа.

– Сильно обрадовался? – спросила Лиана, глядя на дорогу.

– Что за плоский юмор, дорогая? Ты где?

– Почти дома.

– Что с тоном? Я тебя не узнаю.

– А может быть, ты меня вообще плохо знаешь?

– Лиана, у тебя все в порядке? – Малышев повысил голос.

– Успокойся, дорогой. Все прекрасно. Я подъезжаю к дому, в котором пахнет пирогами и мандаринами, и все готово к приему гостей. И хозяйка тоже готова изображать счастливую жену успешного мужчины. Вот только кого мы,

мильный, обманем очередными показательными выступлениями? – В тон ему произнесла Лиана и отключила связь.

В доме действительно все было готово к празднику и уютно пахло пирогами, приготовленными помощницей по дому Анной Никаноровной. Она ушла, оставив на столе записку: «Линочка Алексевна, я все сделала, как уговаривались. Пироги мясные – в красном контейнере, рыбные – в синем, а сладкие – в прозрачном. Перед подачей, мясные надо чуток разогреть. Как и велели, нарезку я не делала, чтоб не заветрилась. Селедочка под шубой и оливье – в первом холодильнике. В стеклянном холодильнике – ваши заморские гады. Я их разморозила, как велели. Буду второго дня, утром. Счастливого праздничка».

Почерк у Анны Никаноровны неровный, со смешными закорючками вместо запятых. Лиане нравилась эта простая деревенская женщина. Она с мужем Василием и дочерью жила в поселке неподалеку. Девятиклассница Светлана училась в школе, где преподавала Лиана и была девочкой довольно замкнутой. При встрече с Лианой она мгновенно опускала глаза и еле слышно произносила приветствие. Лиана интересовалась у Анны Никаноровны – все ли хорошо с дочкой. Та лишь махала рукой и отвечала неизменно, что дочка не в нее пошла, в батьку, тот тоже «себе на уме».

Лиана аккуратно повесила шубу на плечики, и поправила на Манон невесомый видеоошейник, записывающий все пе-

редвижения собачки в режиме реального времени.

Манон резво кинулась к миске и захрустела сухим кормом.

Лиана прошла в кухню, взглянула через прозрачную дверь холодильника на лобстеров, раскинувших на блюде свои большие клешни, затем приоткрыла контейнер со сладкими пирогами и вдохнула, вырвавшийся на свободу запах ванили и клубники.

Праздник приближается. Все готово к встрече гостей. Лиана подошла к витражному окну, за которым открывался масштабный вид на участок.

Малышев мечтал о земле в Барвихе, но раньше она была им не по карману, и Анатолий согласился на просьбу Лианы обосноваться в Зазнобино, воплотив почти на двух гектарах грандиозный план усадьбы Малышевых. Лиана была счастлива покупке дома, от которого до Николиной дачи ехать было от силы минут тридцать.

«Следующим летом, устроим здесь поле для гольфа, – сообщил жене Анатолий.

«Ты же не умеешь играть», – удивилась Лиана.

«Какая разница, – ответил он. – Будем разъезжать по нему на автокаре, с клюшками за спиной. Пусть брат завидует, у него такого нет».

Лиана прошла по гостиной, где был уставлен фарфором и серебряными приборами большой овальный стол, и провела рукой по белоснежной скатерти. Напротив каждого стула

с высокими спинками, лежала карточка с именем. Лиана еще раз проверила место для каждого гостя. Все идеально. Она повернулась к огромному шкафу с куклами народов мира, внимательно посмотрела, открыла стеклянную дверцу и поправила шляпку на одной из красавиц. Сделав шаг назад, она еще раз взглянула на коллекцию.

«Идеально», – снова мысленно произнесла Лиана и поднялась на второй этаж. Она зашла в каждую гостевую комнату, проверила, как заправлены кровати, достаточно ли халатов и полотенец. На третий этаж Лиана подниматься не стала. Там две комнаты, одна – для Мити, сына Анатолия от первого брака, и вряд ли он приедет. Вторая – для сестрицы с мужем. Она в любом случае останется недовольна, проверяй, не проверяй. Такая уж она, Ирина.

Лиана вздохнула, вспомнив очередной отказ брата Егора отмечать праздник вместе. «Может и к лучшему. При нем все будет сложнее».

Лиана вернулась в гостиную, села на диван и прикрыла глаза. Венка на виске тревожно пульсировала в такт мыслям, которые крутились и крутились в ее голове, всякий раз складываясь в продуманный план с одним и тем же финалом.

Во дворе дома едва слышно открылись и закрылись ворота, и скрипнул снег под большими колесами машины. Через несколько минут в дом вошел Малышев с большим букетом эустомы – любимых цветов Лианы.

Невысокого роста, крепкий, круглолицый, он долго при-

учал себя к стилю богатых людей. «Одевайся просто, но дорого», – советовал старший брат. Со временем он научился выбирать правильные костюмы и обувь, а когда начал лысеть – побрился наголо, снова по совету брата, у которого череп был выбрит до блеска.

Но запах дорогого парфюма и брендовые одежды не могли скрыть от пристального наблюдателя неловкость, с которой их носил Анатолий Малышев. Куда как комфортнее ему было в спортивном костюме и кроссовках, которые он не снимал долгие годы в Самаре. Но здесь, в Москве он – управленец, бизнесмен, и надо соответствовать.

«Вот Линка обожает всякие стильные штучки, этого у нее не отнять», – говорил он брату. Благодаря жене, Малышев отлично разбирался не только в марках одежды, но и в курортах для богатых и знаменитых, и в принципе в географии, которую уже несколько лет его жена преподавала в школе.

– Дорогая, с наступающим, – произнес Анатолий Малышев и склонился над женой, пытаясь поцеловать ее в щеку.

Лиана отвернула голову, и поцелуй пришелся на затылок.

– Что с настроением?

Лиана, молча, смотрела в окно.

– Не надо было закрывать ворота. Скоро гости подъедут, – произнесла она еле слышно и задумчиво взглянула на мужа. – Ты голоден?

– Не особенно. Поужинали с братом в центре. Я их потом проводил в аэропорт. Слушай, жена его новая, эта Виолетта,

реально, дура полная. У них тур на Каймановы острова. Так она на стойке регистрации, представляешь, начала доказывать сотрудникам аэропорта, что летит на Мальдивы. Слово «Каймановы» ей запомнить, похоже, не по силам. Я уверен, что она понятия не имеет, где они находятся. Позорище.

Он снял пиджак и ослабил галстук.

Большие напольные часы пробили пять раз.

– Поздравь меня. Наша казна пополнилась на этой неделе в разы.

– Поздравляю, – равнодушно произнесла Лиана.

– Я увеличил наши счета колоссально. Спасибо Викеше и его доступу к нужной информации. Евро подскочил до невиданных небес. Эх, и лохи те, кто брал кредиты в валюте, попали конкретно, – с удовольствием произнес Малышев.

Лиана, молча, разглядывала свежий маникюр.

– Ты чего молчишь, радость моя? Кстати, отгадай, что за подарок я приготовил своей женушке?

В этот момент прозвучал звонок на его мобильный, и Малышев вышел на террасу, чтобы открыть пультом ворота первым гостям.

Через минуту, смеясь и держа в руках большие подарочные пакеты, в дом вошли две девушки. Племянница Лена – высокая блондинка, в узких брюках в обтяжку и широком норковом манто – заливисто смеялась, пытаясь рассказать анекдот другой блондинке, с короткой стрижкой, одетой

в простую куртку темно-синего цвета.

– Привет, любимая тетечка! – Лена чмокнула в щеку Лиану. – Хотя, какая ты тетя! Так называть тебя язык не поворачивается. Смотри Катрин, какая она молодая, от нас не отличишь!

Девушка в дубленке согласно кивнула в ответ.

– Добро пожаловать, – поприветствовала гостей Лиана и внимательно посмотрела на подругу племянницы.

Среднего роста, крепкая, с короткой стильной стрижкой и белоснежной улыбкой, Екатерина была очень похожа на известную американскую актрису.

– Кажется, мы виделись на свадьбе? – спросила Лиана.

– Здравствуйте. Верно, но так и не познакомились, – ответила та, раскручивая длинный шарф.

– Я – Лиана. – Протянула руку женщина.

– Очень приятно. Екатерина. – Пожала она прохладную, узкую ладонь.

– Как вы доехали? – поинтересовалась Лиана.

Лена бросила шубку на стул, плюхнулась на диван, и ответила:

– Довольно быстро, даже странно. Я морально готовилась к пробкам, но нет – свезло, так свезло.

– Повезло, Леночка, – поправила племянницу Лиана. – А где ваши мужья?

– Машины паркуют, – теперь ответила Катя.

Звук «Р» у нее мягкий, круглый, каким бывает у де-

тей, выросших в русскоязычной семье и владеющих русским и английским с раннего детства.

Лена достала косметичку и прилипла к зеркалу, пытаясь отыскать несовершенство в макияже. Не нашла, успокоилась и пересела на подоконник, любуясь на мужа, который красиво припарковал свою машину, строго перпендикулярно ряду пушистых, наряженных елей.

– Вы на одной машине приехали? – обратилась к Екатерине Лиана.

– Нет. Мы ехали из разных районов.

Лиана снова внимательно посмотрела на девушку.

– Вы так похожи на одну американскую актрису. Недавно по телевизору повторяли фильм с ее участием. Как же он называется... – задумалась Лиана.

– «Жена астронавта». – Подсказала Катя.

– Точно! Шарлиз Терон. – Улыбнулась Лиана.

– Катрин и есть чистокровная американка, – сообщила Лена. – Она, как раз, сегодня вернулась из Нью-Йорка.

– Вот как? – протяжно удивилась Лиана. – Что, правда, из Америки?

Катя кивнула головой.

– Да. Вы очень похожи на американку, – произнесла Лиана. – Крепкая такая, плюс знаменитая американская улыбка. Опять же – блондинка, как Барби.

Катя улыбнулась.

– Спасибо. Только никакая я не чистокровная. Родители

родом из России и я сама уже два года живу здесь. А Барби, в отличие от меня, всегда нарядные и с роскошными волосами. Не всегда, кстати, блондинки, но очень часто кудрявые.

– На меня намекаете? – Засмеялась Лиана. – Да, волосы у меня с детства выются серпантинном. Вечно с ними проблема, живут своей жизнью, куча проблем с укладкой. Это у нас от мамы, волосы – ее наследство.

– Она тоже живет в Москве? – поддержала разговор Катя.

– Нет. – Глаза Лианы погрузнели. – Ее не стало давно, мы с братом были еще маленькими.

– Простите, я не знала.

Екатерина покраснела от неловкого вопроса.

– Ничего. Это, правда, было очень, очень давно.

В гостиную вбежала Манон и принялась обнюхивать гостей. Следом в дом вошли Малышев, муж Лены – Антон и высокий, темноволосый мужчина лет тридцати, в очках тонкой металлической оправы.

– Вадим Соколовский, – представился он и пожал, протянутую Лианой, ладонь.

– Предлагаю по аперитивчику! – весело произнес Малышев и, взглянув на Екатерину, добавил: – А мы раньше где-то встречались?

Катя растерянно промолчала.

– Вы встречались на свадьбе твоей любимой племянницы, – произнесла Лиана.

Она подошла к барной стойке, повернувшись спиной

к присутствующим. Руки ее задрожали, но этого не видел никто. Лиана сделала глубокий вдох, улыбнулась и, откинув салфетки, предложила гостям красиво разложенные закуски. Хозяин дома наполнил бокалы и все выпили.

– Слушайте, Вы так похожи на одну актрису, – воскликнул Малышев, продолжая смотреть на Катю. – Как же ее имя...

– Ее имя – Шарлиз Терон, – снова подсказала Лиана.

– Точно! – сказал Малышев и тут же переключился на Лену и Антона. – Молодежь, давайте, рассказывайте, как вы съездили в свадебное путешествие?

– Не расскажем, а покажем, – ответила ему Лена. – Лучше, как говорится, один раз увидеть, дядя Толя. Мы привезли видео свадьбы и путешествия. Вчера закончили монтаж. Благо, мой муж – на ТВ. Иначе, как все – ждали бы этих операторов полгода.

Лена провела ладошкой по спине мужа и незаметно опустила ее ниже талии. Антон с нежностью взглянул на жену и поцеловал ее в шею.

– Ну, пошли телячьи нежности, – произнес Малышев. – Вадим, давай, наливай еще по одной.

Громко стукнув о стену, распахнулась входная дверь, и в дом вплыла мать Елены – полная женщина лет пятидесяти с кудрявыми выбеленными волосами и, щедро наложенным на лицо, тональным кремом.

– Эй, стены не разрушь, родственница, – крикнул ей Малышев.

– Ничего с твоими стенами не будет, – проворчала женщина, еле справляясь с одышкой.

Следом за женой в гостиную вошел ее муж Николай Степанович.

– Всех приветствую, – произнес он. – Ира, я – в гараж.

– Давай, – неприветливо ответила Ирина Васильевна, сбрасывая объемную шубу.

Лиана слегка кивнула сестре.

– Девочки, – обратилась она к Кате и Лене. – Вы могли бы мне помочь?

– С удовольствием. Говорите, что делать. – Катерина закатала рукава водолазки, а Лена сделала вид, что ничего не слышала.

– В принципе все готово, моя помощница по дому все основное сделала, надо только порезать закуски и овощной салат, – сказала Лиана.

Она повернулась к сестре, которая уже успела спуститься на цокольный этаж и теперь, кряхтя и отдуваясь, поднималась по ступеням с бокалом вина и внушительным куском хамона на салфетке.

Лиана недовольно скривила пухлые губки и произнесла:

– Катерина, познакомьтесь, моя сестра Ирина Васильевна. У нас с ней разные отцы, но мама – одна, – зачем-то уточнила Лиана.

– Себя ты, конечно, представила без отчества? Какая я тебе Васильевна? – грозно произнесла Ирина.

– Очень приятно, – протянула руку Екатерина.

– Катенька – жена Вадика Соколовского, друга Антоши, – пояснила Лиана.

– А я тебя помню, – бесцеремонно перешла на «ты» Ирина. – Ты была на шикарной свадьбе моей Ленки.

– Все верно, – подтвердила Катя, блеснув улыбкой, и повернулась к Лиане. – Так что делать?

– Эх, вечный русский вопрос, – с улыбкой ответила Лиана, и глаза ее снова погрузтели.

Мимо прошел Малышев.

– Я – переодеться, – сказал он жене, поднимаясь на второй этаж. Лиана лишь кивнула в ответ.

Антон и Вадим взяли бокалы, блюдо с закуской и присели за столик перед телевизором.

– Итак, займемся овощами? – предложила Лиана.

Лена взяла косметичку, перекинула шубку через плечо и незаметно вышла из гостиной.

Катя, надев предложенный Лианой фартук, принялась ловко нарезать овощи и красиво раскладывать их на широком блюде.

– Сюда еще добавим моцареллу, черри, а перед подачей сбрызнем оливковым маслом и специями, – сказала Лиана. – Моя любимая еда – зелень и пресный сыр. У нас семья спортивная, всю жизнь следим за весом. Сколько себя помню.

– А оливье, что же, не будет? – воскликнула Ирина.

– Конечно, будет, сестрица. А для тебя будет еще и «под

шубой».

– Ой, лично для меня. Спасибо, – с сарказмом произнесла сестра.

Катя, улыбаясь, следила за пикировкой сестер.

– Вы сказали, что занимались спортом? – вежливо спросила она Лиану. – Какой вид?

– О, это все в прошлом, но привычки сильны. Я была синхронисткой, кочевала по спортивным базам. Потом замуж вышла, окончила пединститут. – Лиана красиво откинула кудрявую прядь волос. – А теперь, преподаю географию в местной школе.

– И муж тоже спортсмен? – поинтересовалась Екатерина.

– Он много лет был тренером. Сейчас – директор спорт-комплекса.

Ирина громко засмеялась:

– Представляешь, Кать, как хорошо у нас тренера получают!

Лиана снова недовольно взглянула на сестру и, словно оправдываясь, произнесла:

– У мужа еще свой бизнес.

Катя понимающе кивнула. Ира выразительно хмыкнула.

– А тебе, видимо, надо напомнить, кто твоего мужа на работу устроил? – послышался нарочито грозный голос Малышева, спускающегося со второго этажа в спортивном костюме и кроссовках.

– Благодарствуйте, благодетели! – сидя, кинула поклон

Ирина.

– Ирка, ты мне прекрати! – пригрозил женщине Анатолий. – Ох, нарвешься у меня однажды!

– Ой-ё-ёй, как страшно, – театрально повела пухлой рукой Ирина.

Лиана вздохнула и произнесла:

– Так, кажется, все готово. Нет. Еще салат надо заправить. Средиземноморский. Муж его очень любит. У меня не хватало для этого салата специального соуса, но я привезла кое-что из города. Салат особенный, несмотря на простой состав.

– Вот это чисто в твоём стиле, поехать в город лишь для того чтобы купить какую-нибудь ерунду для муженька, – бесцеремонно перебила ее Ирина.

– А что в нём особенного? – спросила Катя Лиану.

– В её муже – точно ничего, – загоготала Ирина.

Лиана укоризненно посмотрела на сестру и покачала головой.

– Особенного, наверное, ничего...

– Ну! Я же говорю! – снова не удержалась Ирина.

– Ира, заканчивай. Уже, правда, не смешно, – тихо сказала

Лиана.

Катя сочувственно взглянула на нее, понимая насколько хозяйке дома неприятны комментарии сестры.

– Это я еще не начинала, дорогая, – проворчала Ирина.

Лиана пригладила рукой фартук и улыбнулась Кате.

– Катенька, продукты совсем обычные: семга, картофель

кубиками, огурчики соленые. Далее – оливки, маслины, помидоры черри, салатные листья. Но главное – соус. В нем весь смысл. Сейчас я вам покажу, – она улыбнулась, и выражение лица вновь стало приветливо беззащитным.

– Можно с Вашего позволения, я запишу рецепт и дома попробую? – улыбнулась в ответ девушка.

– Конечно. Мне это очень приятно. Салат действительно интересный, хотя я больше люблю совсем простые, овощные. Кажется, я об этом уже говорила. – Рассеянно произнесла Лиана.

– Конечно, говорила, – снова вставила свое слово Ирина. – Забываешься. Стареешь, наверное.

Малышеву надоело слушать вызывающие комментарии Ирины, и он мощно гаркнул:

– Ирка! Угомонись, старуха! Гости реально могут подумать, что у нас в семье ненависть – главная составляющая.

– Ой, Анатолий Иванович, – ответила Ирина, – а какое же такое чувство является главной составляющей вашей семьи?

Малышев подошел к жене, обнял и нежно поцеловал ей руку.

– Любовь, Ирина Васильевна. Но Вам этого не понять.

– Ох! – Ирина приподнялась из кресла, театрально схватилась за пышную грудь и плюхнулась обратно.

Малышев посмотрел на Катю и Вадима.

– Прошу, друзья, не обращайтесь внимания. На самом деле, у нас хорошая, дружная семья.

– Угу, – донеслось из кресла, – очень дружная.

Малышев взял большую емкость с маринованным мясом и обратился к Антону с Вадимом:

– Предлагаю сделать первую партию шашлыка и затопить баньку. Есть возражения?

– Возражений нет, – ответил за всех Антон.

Екатерина с нежностью взглянула на Вадима, он тут же ответил ей улыбкой.

Лиана перехватила эти взгляды и подумала: «Какие милые люди».

– А еще у нас с братом есть любимый салат, – словно не было другого разговора, продолжила Лиана. – Мимоза. Салат из нашего детства. Мамин.

– Вот это и правда вкуснотища, тут не поспоришь, – впервые согласилась Ирина.

– Извини, что продолжаю говорить, когда ты меня перебиваешь, Ира. Я могу продолжить? Спасибо, – на секунду потеряла привычную выдержку Лиана.

– Не за что, – не полезла «за словом в карман» Ирина. – Ты скажи лучше, когда твои церемонные приготовления закончатся. Не пора ли к основной процедуре переходить?

Ирина вынула из пачки тонкую сигаретку и щелкнула зажигалкой.

– Ира, я же просила не курить в доме. И почему ты взяла под вино этот стакан, есть же специальные бокалы.

– Не учи, младшая сестра старшую, – проворчала Ирина.

Лиана снова вздохнула, но на этот раз промолчала.

– Ладно, – оглянулась она по сторонам, – вроде все готово.

По лестнице спускалась Лена, держа в руке диск.

– Катрин, бросай все – давай сюда, я видео включаю.

– Нет, ну так не годится, – возмутилась Лиана. – Давайте все вместе, когда мужчины вернуться из бани!

В ответ донеслось недовольное ворчание, и следом хлопнула входная дверь, а через минуту послышалось под окном.

– Антош, нам с Катей не дали посмотреть видео, – жаловалась Лена мужу.

Во дворе Антон жарил на мангале шашлык, а Вадим перекладывал его на поднос.

– Что за бунт на корабле? – спросил Малышев, выходя из бревенчатой бани.

– Представляешь, дядь Толь, хотела посмотреть свадебное видео, так не дали. Все согласно сценарию. Нарушить невозможно, – продолжила жаловаться Лена. – Пока, видите ли, не придет время – видео мы смотреть не можем!

– Не можем, верно. Потому что сейчас – время для бани! Мужики, за мной!

Антон ласково обнял жену.

– Не переживай, милая, – произнес он профессионально-бархатным голосом. – Мы все успеем. Иди в дом.

– Леночка, дочка, ты почему без одежды вышла? – раздался из предбанника голос Николая Степановича. – Смотри не простудись, мама не любит, когда ты болеешь.

– И то, правда, – поддержал его Малышев, шутливо шлепнув племянницу по упругим ягодицам. – Марш в дом, не мешайся под ногами, а то выпорю, чего отец не делал в детстве. А надо было бы!

– Лучше бы своего сынка порол почаще, – выкрикнула из приоткрытого окна Ирина.

– Не бойсь, родственница! У нас все под контролем.

Лена посмотрела на окно, за которым мелькала мамина полная кисть с сигаретой, и прильнула к мужу.

– Я тогда перышки чистить?

– Давай, милая.

Лена и Антон громко «почмокались», потом потерлись носами и снова красиво сложили губы в поцелуе, под открытые ухмылки Малышева.

– Молодожены, хорош лизаться, у вас для этого впереди вся семейная жизнь, – крикнул он.

– А вы не завидуйте, старички. Вам этого не понять. Вы, похоже, давно ушли из большого секса, – пошутил Антон.

– Куда мы ушли, сынок? – не расслышал Николай Степанович.

– Не куда, а откуда, – пояснил Малышев. – Он нам прозрачно намекает, что мы, мол, с тобой Степаныч – старые импотенты. Забыл видно поговорку – старый конь борозды не портит.

– Сынок, пойдем, баня готова, – позвал зятя Николая Степановича, желая прекратить разговор, который его явно сму-

шал.

Неловко ему было участвовать в подобных беседах, тем более что с Ириной у них на самом деле в постели нелады. Давно не смотрит в его сторону жена, стала спать в другой комнате, как только дочка вышла замуж и съехала к мужу.

На крыльцо вышла Лиана в накинутой на плечи шубке. На лице – приветливая улыбка, на скулах – неестественно яркий румянец.

– Все готово, – сообщила она Малышеву.

– У нас, тоже, дорогая, – ответил ей Анатолий. – Сейчас попаримся и сядем за стол, провожать старый год. У вас есть два часа на «почистить перышки», как выражается наша Ленка.

После слова «наша» взгляд Лианы стал другим. Она запахнула шубку и, прикусив нижнюю губу, повернулась, чтобы войти в дом, но остановилась. Помедлила пару минут, посмотрела на дверь, ведущую в гараж, потом перевела взгляд на огоньки ближайшей деревни. Из труб большинства домов шел дымок. Люди готовились к празднику.

«Надо отвлечься, надо о чем-то подумать, надо...», – думала Лиана, сжимая пальцами виски, боясь, что ее мозг взорвется.

Вернувшись в дом, Лиана аккуратно повесила на плечики шубу, и уже решила подняться в свою спальню, как увидела Катю, натирающую салфеткой большой разделочный стол из натурального камня.

– Что Вы делаете, перестаньте, – рассеянно произнесла Лиана.

Катя послушно сняла перчатки.

– Идите лучше отдохните, – посоветовала Лиана, – нам мужчины всего два часа дали. Вы в чем будете Новый год встречать?

– Я, честно говоря, особо не планировала наряжаться.

– И это тоже очень по-американски, – улыбнулась Лиана. – Пойдемте со мной.

Она направилась к лестнице, жестом пригласив Катерину следовать за ней.

– Вы правы, я больше привыкла к комфортной одежде. У меня и мама очень просто одевалась, – произнесла Катя.

– Ваша мама осталась в Америке? – поинтересовалась Лиана.

– Ее больше нет. И папы тоже.

Лиана остановилась и, развернувшись, сверху вниз взглянула на девушку.

– Кажется, теперь моя очередь извиняться?

– Ничего. Вы же не знали.

Лиана глубоко вздохнула, на полсекунды прикрыла глаза роскошными ресницами и произнесла:

– А давайте-ка не станем грустить?

Екатерина смотрела на хозяйку дома, неловко запрокинув голову. Шея девушки заныла, ночной перелет из Нью-Йорка в Москву не прошел даром.

– Я предлагаю выбрать для Вас что-нибудь интересное из моих нарядов. У меня полно абсолютно новых платьев. Померила, но не носила.

Во время монолога про наряды выражение ее лица заметно изменилось. Было ясно – красота в жизни Лианы имеет значение.

– Размер у нас вроде один, как я вижу. Простите, я не подумала – Вы сочтете это удобным? – осеклась Лиана.

– Конечно, – улыбнулась Катя. – Это я не подумала о наряде. Всю прошлую ночь провела в полете. Мы с Вадимом планировали встретить Новый год дома, по-домашнему. Но в последний момент Лена все-таки уговорила поехать к вам.

– Лена уговорит, она такая, – произнесла Лиана.

Затем она красиво откинула прядь волос, словно отбросив неприятные мысли и добавила:

– И правильно сделали, что приехали! Есть у меня одно превосходное платье – сядет на Вас идеально. Абсолютно новое. Оно мне слегка тесновато в груди – на Вас будет идеально.

Слово «идеально» Лиана произносила часто и с удовольствием.

Они вошли в большую комнату с витражными окнами, видом на сад.

Слева от входа, за красивой раздвижной дверью скрывалась гардеробная, которая оказалась больше спальни.

– Признаюсь Вам, Катя, я хронический шопоголик. Знаете, я словно душевно обновляюсь, надевая новую вещь, – задумчиво произнесла Лиана.

Без стука в комнату вошел Малышев, раскрасневшийся после бани, с полотенцем на шее.

– Что это у вас, девушки, бутик на выезде?

– Я не позаботилась вовремя о наряде и Лиана любезно предложила мне выбрать для торжества одно из ее платьев, – решила пояснить Катя.

– Для поднятия настроения, – добавила Лиана, перебирая плечики.

– А что у вас с настроением? – поинтересовался Малышев, глядя на Катю.

– Все прекрасно у нас с настроением, – ответила за девушку Лиана, – но лишний раз принарядиться не повредит.

Малышев вальяжно прилег на кровать и спросил:

– А Вы знаете, Катенька, о заповеди умного мужчины? – и, не дождавшись ответа, продолжил. – Расскажу: у жены умного мужчины должно быть столько одежды в шкафу, чтобы туда не мог уместиться любовник!

Малышев расхохотался, мелко, прерывисто, словно икая. Катя выдавила из себя вежливую улыбку, а на лице Лианы появилось выражение брезгливости.

– А какой в этом случае должна быть заповедь умной женщины? – хмуро спросила она.

– А женщина должна быть мудрой и красивой. Больше

от нее ничего не требуется, – ответил Малышев и, поднявшись с кровати, направился к двери, на ходу подмигнув Кате. – Не стану Вам мешать становится еще прелестнее.

Лиана, отойдя к окну, задумчиво посмотрела вдаль. Потом, словно очнувшись, повернулась к шкафу, достала платье персикового цвета, но сразу отбросила его на кровать.

– Нет, не то. Где же оно... – Лиана придирчиво перебирала платья, как профессиональный стилист. – Вот! Это то, что нужно. Это точно для Вас. И обратите внимание на ткань, это что-то... – повела карими глазами Лиана, протягивая девушке платье нежно-голубого цвета.

– Спасибо. Позвольте, я его в своей комнате примерю?

– Конечно. А какой у Вас размер обуви? – не отпустила девушку Лиана.

– Седьмой.

– Американский седьмой – это русский тридцать седьмой, верно? А у меня тридцать семь с половиной. И эти туфли тоже, словно Вас ждали. Я не смогла отказаться ни от этого платья, ни от туфель, хотя, как видите, и то и другое мне слегка не по размеру.

Лиана достала из коробки узкие лодочки на высоченной шпильке.

– Ой, я, наверное, на таких каблуках не смогу стоять, – засомневалась Катя.

– А много стоять не придется, всегда можно будет присесть. Мы же дома. Но выйти к столу красиво просто необ-

ходимо.

Красота в жизни Лианы имела значение.

– Еще раз, спасибо. Пожалуй, я пойду. Очень хочется хоть немного отдохнуть, иначе новогоднюю ночь мне не осилить.

– Конечно, конечно. Давайте я повешу платье на плечики, чтобы удобнее было нести. Вам все нравится в гостевой комнате, все хорошо?

– Да. Все, прекрасно. – Катя едва не сказала «идеально». – Мне вообще у Вас очень нравится. Очень красивый, уютный дом.

– Спасибо, я вложила в него душу.

Выйдя из комнаты, Катя заметила, как от двери отпрянула Ирина.

Спускаясь по лестнице, через неприкрытую дверь, она услышала диалог сестер.

– Мне нужна помощь. Не забывай, что я воспитала вас.

– Как же ты мне надоела, Ира! Не воспитывала бы! Бросила, кто тебе мешал? Но не захотела – тебе квадратные метры были нужны.

– Где ты была сейчас, если бы я бросила вас! А я не бросила, подняла обоих, за это мне благодарность черная?

– Черная? – возмутилась Лиана. – Что тебе еще нужно? Шикарный подарок на свадьбу дочери сделали, мужа твоего Толя на работу пристроил, живешь за наш счет...

– Да ты должна мне до конца жизни!

– О, Боже! – воскликнула Лиана.

– Вот-вот, сестрица, подумай о Боге и о том, что он велел делиться, особенно с теми, кому ты должна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.